

ОБРАЗЫ ЕДЫ В РОМАНЕ Г.Ф. КВИТКИ-ОСНОВЬЯНЕНКО «ПАН ХАЛЯВСКИЙ»

В литературоведении существует несколько классификаций художественных образов, в частности: предметная, обобщенно-смысловая и структурная. К предметным образам относятся образы-детали, образы персонажей и обстоятельств [7, с. 253].

Следует признать, что в современной науке нет универсальной классификации образов, а все существующие – нуждаются в дополнении. М. М. Бахтин в своей работе «Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса», анализируя пиршественные образы в романе Ф. Рабле, использует термин «образы еды». Еда в произведении «Гаргантюа и Пантагрюэль», по мнению исследователя, «вовсе не будничная, не частно-бытовая <...>. Это – народно-праздничная пиршественная еда, в пределе – “пир на весь мир”» [1, с. 307]. М. М. Бахтин указывает на то, что могучая тенденция к изобилию и к всенародности присутствует в каждом образе еды, определяет гиперболизм и торжественно-веселый тон [там же].

Цель данной работы заключается в том, чтобы выявить ценностно-смысловые функции образов еды в романе Г. Ф. Квитки-Основьяненко «Пан Халявский». Анализ образной системы и мотивной организации произведения в указанном аспекте позволит, на наш взгляд, прояснить позиции героев, специфику их взаимодействия с окружающим миром и даст возможность приблизиться к пониманию авторской точки зрения.

Этимология рассматриваемого образа в художественной литературе сложна и неоднозначна. Она берет свое начало еще в древней литературе, встречается в античных мифах, в Библии. Еда – материальное начало, с помощью которого человек утверждался в мире. М. М. Бахтин писал: «Пища в древней системе образов неразрывно связана с трудом. Она завершала процесс труда и борьбы, была их венцом и победой. Труд торжествовал в еде. В более древних системах образов вообще не могло быть резких границ между едой и трудом» [1, с. 310]. По мнению исследователя, пища – это универсальный образ, который сохраняет связь с жизнью, смертью и возрождением.

Мотив еды имеет в литературе интертекстуальный характер. Интертекстуальный мотив – «это мотив, который репрезентирует смыслы и связывает тексты в единое смысловое пространство», – указывает И. В. Силантьев [12, с. 62]. Еда выступает объединяющим фактором во многих художественных произведениях, например, в романе Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль», в произведении Г. Ф. Квитки-Основьяненко «Пан Халявский», в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души».

Впервые в мировой литературе еда выходит на первый план и приобретает особое значение в работе Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль».

Автор данного произведения детально разрабатывает образы еды. Они становятся лейтмотивом романа, поскольку фигурируют, практически, на каждой странице. Все первые подвиги Пантагрюэля, совершенные им еще в колыбели, связаны с едой: «Он высасывал молоко из четырех тысяч шестисот коров, <...> схватил медведя и разорвал на части, как цыпленка, а затем, после такой удачной охоты, устроил себе превосходный завтрак» [11, с. 58]. Герои Ф. Рабле имели необыкновенный аппетит. Обед начинался с нескольких десятков окороков, копченых бычьих языков, с икры, колбасы. На ужин съедали невероятное количество разной живности, начиная с быков и заканчивая индюшками. М. Бахтин писал: «Еда и питье у Ф. Рабле – одно из важнейших проявлений жизни гротескного тела, особенности которого заключаются в его открытости, незавершенности, во взаимодействии с окружающим миром» [1, с. 310].

В русской литературе 1820–1840-х годов образы еды также занимают важное место. В каждом из произведений использование этих образов имеет свои особенности. Так, в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин» еда главного героя, в частности выбор блюд, подчёркивает его аристократическое происхождение и изысканный вкус:

<...> roast-beef окровавленный,
И трюфли, роскошь юных лет,
Французской кухни лучший цвет,
И Стразбурга пирог нетленный
Меж сыром лимбургским живым
И ананасом золотым [10, с. 12].

Иные вкусы и предпочтения у гоголевского Собакевича: «Мне лягушку хоть сахаром облепи, не возьму ее в рот, и устрицы тоже не возьму: я знаю, на что устрица похожа...» [3, с. 344]. Он предпочитает еду естественную и обильную: «У меня когда свинина – всю свинью давай на стол, баранина – всего барана тащи, гусь – всего гуся. Лучше я съем двух блюд, да съем в меру, как душа требует» [там же].

Раблезианские мотивы встречаются в творчестве многих писателей. Они нашли свое отражение и в произведениях Г. Ф. Квитки-Основьяненко. Мотивы еды занимают особое место в его романе «Пан Халявский». К проблеме анализа подобных мотивов и образов в данном произведении обращались Е. Г. Вербицкая [2], С. Д. Зубков [4], И. В. Лимборский [7], Д. В. Чалый [13]. Однако исследователи в основном останавливались на одном сюжетном эпизоде – банкете в доме главного героя.

Г. Ф. Квитка-Основьяненко, отвечая на многие замечания критиков, писал, что ему «казалось необходимым выразить в подробностях что ели, когда и как» [5, с. 237]. Таким образом, описания, связанные с процессом потребления пищи, не случайны в художественной структуре романа. Образ еды становится одним из основных в произведении и является важным творческим фактором в развитии художественного целого романа. Описания,

связанные с едой встречаются в «Пане Халявском» очень часто. Они подчёркивают комизм ситуаций, углубляют характеристику персонажей. Кроме этого, образы еды выступают универсальным средством изображения мира, в котором торжествуют такие персонажи, как Трушко.

С первых страниц романа автор вводит читателя в среду, где правит культ еды. «Обхождение» сводилось только к тому, что хозяин должен был «обойти гостей да припросить, чтоб больше кушали и пили» [6, с. 11], а заботливое отношение к воспитанию детей – к тому, что их должны были постоянно и обильно кормить. Автор описывает завтраки, обеды, ужины и полдни, подчёркивая, что в перерывах между приемами пищи родители кормили свое чадо разными «лакомствами»: орехами, яблоками, «всякими повидлами». Понятие «воспитание» в среде Халявских сводилось к понятию «питание»: «Мы были воспитаны прекрасно, – такие брюханчики, пузанчики, что любовесело на нас глядеть...», – с восторгом рассказывает Трушко. Будущую жену главный герой выбирает также в своём вкусе – с хорошим «воспитанием»: «Воспитана – означало у нас: вскормлена, вспоена, не жалея кошту...» [6, с. 124]. Автор с иронией пишет о своеобразном «обоожествлении» еды, которая стала неотъемлемой частью жизни героев романа. Халявские готовы молиться на еду, как на святое. Г. Ф. Квитка-Основьяненко использует приёмы гиперболизации, когда описывает сцены чревоугодия героев, для которых процесс приема пищи имеет сакральный характер.

Дети Мирона Осиповича все время что-то ели. У них не хватало времени на другие занятия. Это влияло на их умственное развитие, создавало благоприятную почву для лени, апатии, эгоизма. Постоянный прием пищи убивал даже родственные чувства. В данном плане примечателен эпизод, в котором горбун Павлусь, отстаивая свое право на лакомый кусок, высказывает кощунственные мысли: «Ах, душечки, братцы и сестрицы! Когда бы вы скорее все померли, чтобы мне не с кем было делиться и ссориться!» [6, с. 13]. Выводы в данном, как и во многих других случаях, должен сделать сам читатель. Ссорясь по поводу лакомого куска, младшее поколение Халявских потеряло человеческий облик, деградировало до уровня животного, заботясь только о своих природных потребностях. Воспоминания о поминках отца в сознании Трушка связаны только с поминальным обедом: «Чтобы не разжалобить читателя, скажу коротко, что батеньку похоронили прекрасно, как долг требовал. А какие были поминальные обеды, так чудо! Всего много и изобильно!» [6, с. 111].

Подробные описания процесса еды играют заметную роль в произведениях И. П. Котляревского и Н. В. Гоголя. Сравнивая мотивы еды в работах указанных писателей, В. И. Мацапура замечает, что И. П. Котляревский, «который в своей «Энеиде» даёт длинные каталоги явств и напитков, поглощаемых героями» повлиял на Н. В. Гоголя [8, с. 278]. Есть основания предполагать, что Г. Ф. Квитка-Основьяненко, изображая бытовую сторону жизни героев, использует опыт и И. П. Котляревского, и Н. В. Гоголя.

Эти писатели имели общие корни, хорошо знали обычаи и традиции украинцев. Местом действия основных событий романа «Пан Халявский» Г. Ф. Квитка не случайно выбрал город Хорол Полтавской губернии.

Писатель показывает духовное опустошение младшего поколения Халявских. Для детей нет ничего святого, они с малых лет воспитывались в такой среде, где главной целью жизни была еда и материальное обогащение. Поражает реакция младших Халявских на смерть одного из братьев: они даже рады случившемуся, ведь теперь «не между шестью, а только между пятью братьями должно будет разделять имение» [6, с. 100]. Моральная деградация персонажей подчёркивается автором на многих страницах романа. Например, Трушко охотно ездит на похороны соседей. Трагикомизм ситуации заключается в том, что там он планирует плотно пообедать и найти себе жену. Халявские никогда не задумываются над тем, где берутся продукты и кто готовит вкусные обеды.

Моральному опустошению детей способствовала мать семейства, которая прививала им ненависть к учёбе и труду. Фекла Зиновьевна считала, что ребенок только тогда воспитан, когда он хорошо упитан. Отправляя любимого сына в школу, она дает ему такое наставление: «Ты, душка, выслушивай все, да ничего не затверживай и не перенимай. Плюй на науки, и останешься разумным и со здоровым желудком на весь век» [6, с. 65]. Выполняя наставления матери, её любимчик заботится, прежде всего, о своём здоровье. Это стало целью его жизни. Трушко считал, что имея здоровье, можно много кушать, а «кушая все, поддерживать свое здоровье» [6, с. 77]. Здесь также просматривается тонкая авторская ирония. Изображая Трушка, Г. Ф. Квитка-Основьяненко даёт представление об одной из разновидностей провинциального дворянства тридцатых годов XIX века. Для таких дворян образование не играло важной роли в жизни. Культ еды, алчность были главной целью существования.

Трушко Халявский в романе Г. Ф. Квитки-Основьяненко – умственно отсталый эгоист, который заботится только о своем желудке и о выгодном разделе наследства. У него начинается паника, когда учитель из-за неудач в учебе не дал ему позавтракать: «Мое положение было ужаснейшее! Лишиться в жизни одного завтрака! Положим, я сегодня буду обедать, завтра также будет изобильный завтрак; но где же я возьму сегодняшний?» [6, с. 79]. Еда для героя – своеобразная идея-фикс. В свои семьдесят лет он прекрасно помнит в подробностях все, что ему пришлось съесть на своем веку. Например, Трушко рассказывает о том, что в детстве на завтрак подавали молочную кашу или яичницу, на обед готовили борщ с «кормленой птицею» и пшеничную кашу, ужинали «варениками со сметаной, галушками в молоке» и «колбасой, шипящей на сковородке». Халявский возмущается, когда на обед у полковника на стол поставили только «чашу, соусник и жареную курицу на блюде» [6, с. 116]. Не в восторге Трушко был и от обеда в Петербурге, во время которого ему отказали подавать борщ и вареники. При разделе имущества Трофим Миронович выбирал не «фигурные» серебряные вещи, а те, которые

«потяжелее», при этом медною и оловянною посудой он охотно делился с братьями. Принимая во внимание все эти факты, главного героя трудно назвать слабоумным. Его умственные способности нацелены только на то, чтобы отстоять свои материальные интересы, и он умеет это делать. Наличие типов подобного рода характеризует также среду, к которой они принадлежат.

Еда для главного героя является также способом оценки как людей, так и событий. Воспоминания о прошлом у него непременно связываются с жирными блюдами. Времена, которые он описывает, также ассоциируются с пищей. «...Одна забота, одно попечение, одна мысль, одни рассказы и суждения были все о еде: когда есть, что есть, как есть, сколько есть... И жили для того, чтобы есть», – признается герой [6, с. 80]. Визит к полковнику не понравился Трофиму Мироновичу потому, что он там «недоел», а служба в армии пугает его плохой кухней. В организации праздничных обедов заключается суть жизни рассказчика, для которого изобилие еды – обязательное условие, способ показать свой достаток. Поэтому Трушко страдает, увидев, что попытка организовать самостоятельный банкет провалилась. Этот «провал» он объясняет отсутствием желаемой избыточности блюд. Д. В. Чалый считает, что автор специально использует анафору «одна забота, одно попечение, одна мысль, одни рассказы», демонстрируя сатирическое отношение к изображаемому [13, с. 73]. Подчеркнув доминирующую роль мотива еды в романе, Г. Ф. Квитка-Основьяненко преследовал ещё и просветительские цели. Писатель пытался предостеречь современников от засилья меркантильных интересов в их жизни.

В тексте романа «Пан Халявский» слово «еда» упоминается четырнадцать раз, «ужин» – пятнадцать, «кушать» – семнадцать, «завтрак» – девятнадцать, а «обед» – сто один раз. Автор сознательно использует слово «обед» наиболее часто, ведь в это время подавали самые вкусные и калорийные блюда, а праздничное застолье, как правило, начиналось во второй половине дня. Например, в Туле рассказчику «гостеприимный хозяин предложил роскошный обед» [6, с. 133], за который герою впоследствии пришлось дорого заплатить. Слова «еда», «ел» и «есть» в одном коротком абзаце, где Трушко вспоминает свое детство, употребляется десять раз.

Действующие лица романа Г. Ф. Квитки-Основьяненко по своей сути напоминают раблезианских Гаргантюа и Пантагрюэля. Оба писателя умело используют приём гротеска для точной передачи характеров главных героев и достигают желаемого художественного эффекта. Центральные образы романов Ф. Рабле и Г. Ф. Квитки-Основьяненко кажутся абсолютно неправдоподобными, абсурдными с точки зрения здравого смысла. Их поразительный эмоционально-экспрессивный эффект усиливается благодаря тому, что гротескная образность в рассматриваемых текстах взаимодействует с вполне обычными, не выходящими за границы «реалистического» правдоподобия образами, ситуациями, событиями. Здесь грань между

вымыслом автора и реальностью размыта, но все же она не стирается полностью.

Трушко гордится своим телом, считает его объектом утешения и восхищения, символом достатка. Главный герой постоянно боится каких-то телесных повреждений, особенно боится похудеть. Например, после возвращения со службы, он в первую очередь набрал недостающие килограммы. К смеховой стихии романа можно отнести сцены бритья Петруся, в которых герой восхищается увеличением границ тела. Приём бурлеска используется автором с целью пародирования самодовольной, сытой жизни персонажей произведения. Еда и сохранение тела являются основой их существования. Г. Ф. Квитка, как и Ф. Рабле, использует приём бурлеска для изображения мира главного героя.

Воспитанный в атмосфере культа еды, привыкший мерить окружение съедобными критериями и суто материальными потребностями, главный герой сам напоминает жирное калорийное блюдо. Философ сытой сельской жизни Кондрат Данилович характеризует жизнь Халявских именно с таких позиций: «Примером сказать: возьмите гуся, индюка и селезня. Их три, и панычей, стало быть, три. За сим: птицы выкормлены, панычи воспитаны; птицы зажарены, панычи выучены; вот и выходит, что все есть чисто едино» [6, с. 91]. Характеристика «стоимости» панычей в данном случае также имеет бурлескный характер. Мнимое «величание» героев производит комическое впечатление. Серьезность размышлений Кондрата Даниловича и высокая оценка окружающими его умозаключений усиливают комический эффект. Автор высмеивает в данном случае всю систему образования, в результате которой юные Халявские через некоторое время пополнят ряды Кондрат Даниловичей.

Мотив еды в романе Г. Ф. Квитки-Основьяненко «Пан Халявский» выполняет разоблачительную, сатирическую функцию, при этом автор не подчёркивает своего негативного отношения к ней. И. В. Лимборский считает, что Г. Ф. Квитка-Основьяненко, используя данный образ, высмеивает тех, кто живет за счет других, иногда даже не осознавая того, что за едой, которую употребляют помещики в таком количестве, скрывается труд многих простых людей [7, с. 79]. Сам факт частых праздничных обедов – свидетельство тому. На банкеты надо было готовить разнообразные блюда, но Фекла Зиновьевна лично не занималась этим. По такому случаю всегда нанимали повара, которому помогала челядь. Автор не скрывает, что для дворовой прислуги праздничные обеды всегда были испытанием: булочница «дрожала телом и душой», чтобы опара и булки получились хорошими, кухарка переживала за вкусность и достаток приготовленного блюда. Челядь хорошо знала, что в случае неудачи их неотвратимо ждало наказание. Фекла Зиновьевна не упускала возможности «потрепать девок за косы».

Ни в одном произведении русской литературы первой половины XIX века мотив еды не получал такого высокого художественного воплощения,

как в романе Г. Ф. Квитки-Основьяненко «Пан Халявский». Используя современную терминологию, можно сказать, что еда в этом произведении является «единицей повествовательного языка» [12, с. 78], неотъемлемой частью сюжета. Как считает И. В. Силантьев, между героем и мотивом существует семантическая связь, в результате которой первый «совершает такие поступки и оказывается в центре таких событий, которые и формируют окончательный смысл сюжета и произведения в целом» [12, с. 82]. Трушко и еда – неотъемлемые компоненты одного целого. Вся жизнь главного героя посвящена заботам о сытости своего желудка, начиная с рождения и заканчивая глубокой старостью. Еда – один из ключевых образов-мотивов, который находится в центре внимания рассказчика.

Отношение героев к пище в романе «Пан Халявский» – способ авторской оценки персонажей и мира в целом, так как фиксируют моменты их включенности в единство «потока» жизни. Образ Трушка у читателя вызывает смех, но, как и в поэме Н. В. Гоголя «Мёртвые души», это «смех сквозь слёзы». Смех Г. Ф. Квитки-Основьяненко не унижает, он дает погибшему шанс воскреснуть. Это смех с надеждой на то, что в самой зачерствелой человеческой душе, даже в душе Халявского, есть уголок, куда проникает свет счастья и добра.

Литература

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – 2-е изд. – М.: Худож. лит., 1990. – 543 с.
2. Вербицька Є. Г. Г. Ф. Квітка-Основ'яненко. Нарис життя і творчості / Є. Г. Вербицька. – Харків: Харківське обл. вид-во, 1957. – 132 с.
3. Гоголь Н. В. Мертвые души / Н. В. Гоголь / Гоголь Н. В. Сочинения в 2 т. – М.: Гос. изд-во худ. лит., 1962. – Т. 2. – С. 257–624.
4. Зубков С. Д. Русская проза Г. Ф. Квитки и Е. П. Гребенки в контексте русско-украинских литературных связей / С. Д. Зубков. – К.: Наукова думка, 1979. – 272 с.
5. Квітка-Основ'яненко Г. Ф. Листи / Г. Ф. Квітка-Основ'яненко // Квітка-Основ'яненко Г. Ф. Збір. творів: У 7 т. – К.: Наукова думка, 1981. – Т. 7. – С. 163–357.
6. Квітка-Основ'яненко Г. Ф. Пан Халявский // Квітка-Основ'яненко Г. Ф. Збір. творів: У 7 т. – К.: Наукова думка, 1979. – Т. 4. – С. 7–198.
7. Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В. М. Кожевникова. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – 752 с.
8. Лімборський І. В. Творчість Г. Ф. Квітки-Основ'яненка: Генеза художньої свідомості, європейський контекст, поетика / І. В. Лімборський. – Черкаси: Брама-Україна, 2007. – 108 с.
9. Мацапура В. И. Н. В. Гоголь: художественный мир сквозь призму поэтики / В. И. Мацапура. – Полтава: Полтавський літератор, 2009. – 304 с.

10. Пушкин А. С. Избранные сочинения. В 2-х томах. Т. 2. / А. С. Пушкин. – М.: Худож. лит., 1978. – С. 7–169.
11. Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль / Ф. Рабле. – М.: Эксмо, 2005. – 896 с.
12. Силантьев И. В. Поэтика мотива / И. В. Силантьев. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 296 с.
13. Чалий Д. В. Г. Ф. Квітка-Основ'яненко / Д. В. Чалий. – К.: Держ. вид-во худ. літ., 1962. – 208 с.

Анотація

І. А. Маслій Образи їжі в романі Г. Ф. Квітки-Основ'яненко «Пан Халявський»

У статті аналізуються образи їжі в романі Г. Ф. Квітки-Основ'яненка «Пан Халявський», досліджуються ціннісні функції цих образів, їх роль в мотивній організації роману і в образній системі твору, інтертекстуальний характер. Автор статті проводить паралелі між романом Г. Ф. Квітки-Основ'яненка «Пан Халявський» і романом Ф. Рабле «Гаргантюа і Пантагрюель».

Ключові слова: анафора, гротеск, іронія, мотив, образ, сатира

Аннотация

И. А. Маслий Образы еды в романе Г.Ф. Квитки-Основьяненко «Пан Халявский»

В статье анализируются образы еды в романе Г. Ф. Квитки-Основьяненко «Пан Халявский», исследуются ценностно-смысловые функции этих образов, их роль в мотивной организации романа и в образной системе произведения, интертекстуальный характер. Автор статьи проводит параллели между романом Г. Ф. Квитки-Основьяненко «Пан Халявский» и романом Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль».

Ключевые слова: анафора, гротеск, ирония, мотив, образ, сатира.

Summary

Irina Masliy Images of food in the G.F. Kvitka-Osnovyanyenko's novel «Pan Halyavsky»

This article analyzes the images of food in the G.F. Kvitka-Osnovyanyenko's novel «Pan Halyavsky», examines the value-semantic features of these images, their role in the motivic organization of the novel and in the imagery of the work, intertextual nature. The author draws parallels between the G. F. Kvitka-Osnovyanyenko's novel «Pan Halyavsky» and F. Rable's novel «Gargantua and Pantagruel».

Keywords: anaphora, grotesque, irony, theme, image, satire.

Статья прорецензирована и рекомендована к печати доктором филологических наук, профессором кафедры мировой литературы Полтавского национального педагогического университета имени В. Г. Короленко В. И. Мацапурой.